

Г. В. Скотникова³

ЧЕЛОВЕК В СИСТЕМЕ РУССКИХ ЦЕННОСТЕЙ: ФУНДАМЕНТ ОСМЫСЛЕНИЯ И ДЕЙСТВИЯ⁴

Рассмотрение поставленной темы является одним из путей развития *русского самосознания*, следовательно, совершенствования камертона всей современной отечественной культуры. Именно понимание места человека в культуре в контексте доминантных ценностей определяет ее целостный строй. «Нет силы творчества и действительности народного духа... без национального самосознания», — писал классик русской философии, психолог, глубоко постигший своеобразие русского духовного склада, П. Е. Астафьев (1846–1893)⁵. Этот выдающийся мыслитель подчеркивал, что одно «из священнейших и величайших, самое малое им причастное возвеличивающих дел жизни — дело *родного национального самосознания*»⁶.

Современный русский человек редко отдает себе отчет в том, что из всех областей умственной деятельности он в силу своего духовного склада наиболее способен именно к философии: «Погруженный лучшими

и глубочайшими своими стремлениями в свой внутренний духовный мир, он <русский человек> не может не быть глубоко проникнут интересом *самосознания*»⁷.

Сегодня важно правильно понять особенности нашей духовной природы, увидеть *магистральную* линию в истории отечественной философии, осознать значение тех мыслителей, творчество которых является фундаментом национального самосознания⁸, сформулировать наши духовные идеалы, укорененные в глубинах культурно-исторической традиции, позволяющие культуре сохранять верность своей органике, следовательно, реализовать творческие, духовно-душевные силы человека. Иначе говоря, важно научиться видеть главное в духовных заветах отечественной истории и культуры, иерархию жизненных ценностей.

Будучи живым и личным духом, человек всегда принадлежит к определенной народности, которая «есть духовная природа человека» (Н. Г. Дебольский)⁹. «Народный дух — так назовем мы ту таинственную силу, от которой в глубочайшем корне зависят проявления человеческих душ»¹⁰. Национальный (народный) дух не может быть вполне безотчетным и выражается в сознательном строе жизненных задач, в цельном мировоззрении. П. Е. Астафьев подчеркивал: «...самый центральный, наиболее драгоценный, наиболее ревниво охраняемый, отмежевываемый от всего, нарушаю-

¹ *Слонимский С.* Свободный диссонанс. СПб.: Композитор-СПб, 2004. С. 6.

² *Каган М.* Эстетика как философская наука. СПб.: Петрополис, 1997. С. 377–383.

³ Профессор кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного института культуры, доктор культурологии. Автор около 200 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Византийская традиция в русском самосознании. Опыт историко-культурологического исследования», «Созвучие вечным смыслам бытия», «Византийский ассист. Византийская художественная традиция и русская культура. История и теория» и др.; статей: «Художественный мир в новой парадигме гуманитарной науки России», «Византия и Запад: новая волна сближения-противостояния», «Красота русских храмов XII века как воплощение национального духовного идеала» и др. Член редколлегии журнала «Русское самосознание».

⁴ Доклад подготовлен на основе монографии: *Скотникова Г. В.* Византийский ассист. Византийская художественная традиция и русская культура. История и теория. СПб.: Аргус СПб, 2018.

⁵ *Астафьев П. Е.* Национальность и общечеловеческие задачи // *Астафьев П. Е.* Философия нации и единство мировоззрения. М.: Москва, 2000. С. 35–36.

⁶ Там же. С. 46.

⁷ *Астафьев П. Е.* Указ. соч. С. 53.

⁸ См.: *Ильин Н. П.* Трагедия русской философии. М.: Айрис-Пресс, 2008. Автор обосновывает принципиально новую парадигму сущности и исторического пути развития русской философии, обозначая ее магистральную линию, имеющую своим предметом человека в его духовном измерении.

⁹ Н. П. Ильин называет Н. Г. Дебольского (1842–1918) основоположником *философской националогии* (*Ильин Н. П.* Указ. соч. С. 23).

¹⁰ *Страхов Н. Н.* Ход развития нашей литературы, начиная от Ломоносова // *Страхов Н. Н.* Борьба с Западом. М.: Рус. цивилизация, 2010. С. 134.

щего его чистоту пункт нашего внутреннего мира»¹, — религиозные задачи и интересы. Русский человек живо ощущает смысл слов апостола Павла: «Если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется» (2-е Кор. 4:16).

Православие на Руси легло на благодатную почву. О родственности русско-славянской природы и православного духовного идеала прозорливо писал Ф. И. Тютчев: «Русский народ — христианин не только в силу православия своих убеждений, но еще благодаря чему-то более задушевному, чем убеждения. Он — христианин в силу той способности к самоотвержению и самопожертвованию, которая составляет как бы основу его нравственной природы»².

П. Е. Астафьев, формулируя духовный идеал русского человека, писал: «*Душа выше и дороже всего: ее спасение, полнота, цельность и глубина внутреннего мира — прежде всего...*». «*Душа всего дороже — таков основной мотив и Православия, и Самодержавия, и Народности нашей*»³. Именно так в Новое время русская мысль, достигшая во второй половине XIX века классического периода своего развития, выразила исконный духовный идеал России, сформировавшийся в древнерусской культуре.

Наш современник часто не осознает того важного факта, что Русь приняла Крещение в православной купели, когда культура Византии переживала период высокого духовно-аскетического подъема. Возродилось, как раскрывает О. С. Попова⁴, едва ли не крайнее из аскетических направлений — стремление к напряженной и отрешенной духовности в ее абсолютной полноте, соответствовавшей монашеским идеалам, которые были чрезмерны для мирской среды, хотя и устремлявшейся к ним по мере сил («Свет мирянам — иноки, свет инокам — Ангелы»).

Таким образом, Русь выбрала ориентацию не на средние, а на *максимальные* духовные ценности, восприняв их как *норму* и *единственно возможный путь*, получив в наследство от Византии все *самое духовно насыщенное*, что она могла дать⁵.

России суждено было раскрыть такие стороны духовного богатства Византии, которые оставались невыявленными даже в ней самой. В XIV веке Константинопольский патриарх Филофей (1353–1354, 1364–1376) назвал русских «святой народ»⁶.

Духовный идеал и стержень жизни были навсегда восприняты Русью. Философ и литературный критик Н. Н. Страхов (1828–1896)⁷ говорил о своем пребывании на Святой горе Афон: «Вспомним при этом, какой дух

там живет, — дух нашего православного благочестия. Там — одно из чистейших воплощений того животворного начала, которое составляет истинную душу русского народа. Афон есть поприще и училище святости, а святой человек есть высший идеал русских людей, начиная от неграмотного крестьянина и до Льва Толстого»⁸.

Древняя Русь унаследовала от Византии особый взгляд на место человека в мире, определенный тип духовности, «связанный с идеалом симфонии Церкви и государства, с подвижничеством, деятельной любовью к ближнему, помощью бедным, тем, кто нуждается в защите, с почтением к учености и образованию»⁹. Ведущий отечественный византист академик С. П. Карпов подчеркивает, что Византия оставила нам завет, сформулированный Иоанном Златоустом: «Благочестие выше благосостояния».

Культура России на протяжении последней четверти века живет на ветру обновлений, атакующих перемен, связанных с процессами глобализации, либерализации, атомизации жизни. В общественном сознании укореняется плюрализм (принципиальное духовное равенство) идей, концепций, позиций, то есть разрушается иерархия жизненных смыслов и ценностей. Однако отсутствие доминирующего направления, общей философии жизни государства и личности есть не что иное, как отсутствие цели, определенной перспективы культурного движения общества, ведущее к распылению сил и государства, и личности.

Сегодня нередко декларируется отказ от самой идеи *воспитания* человека, *от преемственности* с исторической традицией. Говоря словами Н. Н. Страхова, «просвещение для многих современных людей состоит преимущественно в отрицании всяких духовных требований как устаревших предрассудков»¹⁰. Но человек не может быть всеяден ни в физическом, ни в духовном отношении. Подлинное просвещение противоположно эклектическому накоплению сведений и сугубо рационально конструируемому идеалу (как известно, «многознание уму не научает», Гераклит), ибо оно направлено на раскрытие способности к самобытному развитию личности. По Н. Н. Страхову, идеал образованного человека — человек, достигший сознательной самобытности, имеющий ясное осознание своего личного и национального достоинства.

Прагматизм и индивидуализм, ставшие знаменем культуры Запада начиная со второй половины XIX века, а ныне остающиеся характерным признаком атлантизма, вытесняют духовную составляющую культуры личности и общества, обесценивают религиозно-нравственные начала, входя в противоречие с природой русского национального духа¹¹. Для России это особенно болезненный процесс. Вспомним, что только в русском языке есть слово «пошлость» (это подчеркивали Гоголь,

¹ Астафьев П. Е. Указ. соч. С. 50.

² Сочинения Ф. И. Тютчева: стихотворения и политические статьи. СПб., 1990. С. 475.

³ Астафьев П. Е. Указ. соч. С. 48.

⁴ Попова О. С. Византийская духовность и стиль живописи VI–XI вв. (Равенна и Киев) // Византийский временник. М., 1998. Т. 55 (80), ч. 2. С. 216–221.

⁵ Там же.

⁶ Медведев И. П. Русские как «святой народ»: взгляд из Константинополя XIV в. // Византийское богословие и традиции религиозно-философской мысли в России. СПб., 2000. С. 83–88.

⁷ Отметим недавно увидевшую свет первую фундаментальную монографию о жизни, творчестве и окружении Н. Н. Страхова: Фатеев В. А. Н. Н. Страхов: Личность. Творчество. Эпоха. СПб.: Пушкинский Дом, 2021.

⁸ Страхов Н. Н. Воспоминания и отрывки. СПб., 1892. С. 10.

⁹ Карпов С. П. О варягах, юбилеях и нашем образовании // Родина. Российский исторический журнал: спецвып. 2012. Сент. С. 7.

¹⁰ Страхов Н. Н. Ход развития нашей литературы, начиная от Ломоносова. С. 165.

¹¹ Мухина З. З., Канькин С. В. Патриотизм как нравственный принцип в философии истории Н. Н. Страхова (1828–1896) // Научные ведомости. Сер. «Философия. Социология. Право». 2019. Т. 44, № 2. С. 222–228.

Набоков, И. Ильин), означающее безблагодатное, бездуховное бытие, погружение в удушающую материальность, в которой искажается человеческая сущность.

Укрепление нашей духовной силы связано с обогащением интеллектуального фундамента, развитием русского самосознания, то есть в первую очередь с восстановлением подлинной философской культуры, преемственности с ее магистральным направлением, «метафизическим персонализмом»¹, освоением идейных заветов его выдающихся представителей.

Важнейшая задача системы образования состоит в раскрытии духовного идеала, исторически выработанного отечественной культурой, как существенно личного для каждого члена нации. Решая эту задачу, национальная культура постепенно находит свой центр тяжести в русской философии, которая есть сознательный путь русского человека к самому себе, к национальному идеалу духовной личности.

Русская философия — это философия, присущая России как стране-цивилизации, имеющей стержнем православную духовность, то есть философия, являющая собой одну из форм синергийной культуры и видящая исток своей самобытности в сердечной открытости Родине, служащей Истине.

Роль философии, национального самосознания незаменима в обществе. Выдающийся русский философ П. А. Бакунин (1820–1900) подчеркивал: хотя люди, озабоченные реальными делами и вещами, воспринимают идеи, смыслы и философию как пустые призраки, однако «метафизика господствует над миром и изменяет его своими формулами»². «Ибо философия не учит творить, но учит *понимать творчество*; а еще точнее, она учит *творить понимание*. И в этой совершенно уникальной *области творчества* „заменить“ философию не может ничто — ни искусство, ни религия, ни наука»³.